

**Геннадий
Попов**

* * *

Е.С. Строеву
в день 24 апреля 2005 г.

*Вот летят журавли,
вековые былинные птицы,
В поднебесном строю
невесом их бесследный полет...
Остаюсь на земле,
на которой дано мне родиться,
Где судьба бездорожьем
по исконному следу ведет.*

*Нас роднит с журавлями,
летающими в теплые страны,
Неизбывная сила познать,
что таит горизонт,
И вернуться к холодной, щемящей до боли
и странной,
Но прекрасной земле,
где с рождения всем не везет.
Где, задолго до нас,
мы – ее нелюбимые дети,
Где и летним теплом
иногда обогреть не могла...
Только что без нее
для меня остается на свете,
Над которой светла
и осенняя хмурая мгла?*

2005

ОСЕННИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ

“Опять на юг уходит осень,
Освобождаясь от меня...”

Николай Перовский

*Пока округ хорошую погоду
Не пересек гусей прощальный клин.
Но дым столбом стоит на огородах,
И потускнела солнечная синь.*

*Не жди дождей, как слезы очищенья,
Не призывай, как милость, холода.
В морозное искристое свеченье
Не верь, не верь, что это – навсегда.*

*Не заклинай, что счастье не вернется,
Как первая невинная любовь...
Еще не раз
весна души коснется
И вспыхнет лето...
И погаснет вновь.*

Январь 2005

НА ОЗЕРЕ ВАЛДАЙ

*На день октябрьский не похож,
Он полнится небесным светом.
Твои слова, острей, чем нож,
Занесены над бабьим летом.
А день исходит добротой...
Устав, полуденное солнце
С осеннею подслепотой
Глядит в немывтое оконце...
Внизу – озерная вода
С отливом стали – за стогами.
Она застынет в холода,
Укрывшись от людей снегами.*

Пока неброской красотой
Валдай цветет в истоках Волги, –
Пей, как живительный настой,
Прозрачный воздух – жадно, долго.
Природа перед зимним сном
Врачует синяки и раны
Осенним пламенным листом...
И гонит птиц в другие страны.
Не дай же умертвить словам
Все то, что здесь светло и свято...
Стой и молчи.

Пусть каждый сам
Решит, в чем прав и виноват он.

2003

ПЕРВЫЙ ИНЕЙ

Виктору Дронникову

Как рокот волн –
мурлыканье кота...
И печь ворчит, предчувствуя разлуку.
И, словно друг, горячая плита
Приветливо протягивает руку.

Возьму ее открытое тепло
В холодную ненастную дорогу...
От инея на улице светло,
Ночная мгла редет понемногу.

Пустынная, безмолвная пора,
Осенний воздух пряного настоя...
Что может своеволие пера?
Как выразить счастливое, простое?
А что мудрить, когда не надо слов?
Молчу и радуюсь незыблемой природе
В предчувствии дремучих снежных снов
И заячьих следов на огороде.

И жду, когда обратно потечет
Мой путь сюда, как ручеек весенний,
Заранее теряя суткам счет,
На каждый звук выскакивая в сени.

2001

* * *

“Отговорила роща золотая...”

С. Есенин

Отзоревала, отгорела осень,
Пришла зима, настали холода.
И глаз моих седеющая просинь
Когда-нибудь остынет без следа.
Пришла пора, когда заговорила
В душе больной тоскующая страсть,
Так полнит ветер кораблю ветрила,
Которому заведомо пропасть:
В лихих морях, разбитому штормами,
Бесследно сгинуть и пойти на дно...
И мне назад делами и словами
Вернуться в юность так же не дано.
Сквозь толщу лет

не встанет ее солнце,

А только мимолетом по весне
Скользнет лучом в забытое оконце
Тревожной памяти моей
в счастливом сне.

2004

ЧИТАЯ “ЛАМПУ АЛАДДИНА”

Вадиму Еремину

Мне предсказал один колдун магрибский,
что ждет меня крутое волшебство.
И на санскрите написал записку,
как надо выпить чудо-вещество.
Он дал мне зелье, пахнувшее виски,
и расписной серебряный бокал,
сказав, чтоб прочитал я “по-санскритски”,
как совершить волшебный ритуал.
Но есть еще одна зловредная заговоздка
в подарке чародея-колдуна:
бокал не больше нашего наперстка,
но трудно осушить его до дна.

– Любое, но одно, – сказал волшебник,
как разрубил мне душу на куски.
И в этой рассеченности душевной
с тех пор я умираю от тоски.
Я вне себя в смятенье и в смущенье:
какое выбрать чудо из чудес?
Хотел вернуть злодею наушенье,
но тот коварным образом исчез.
Осталось ждать, когда, перебирая
судьбы земной бесплотную канву,
меж преисподней и вратами райа
я наконец пророчество пойму.
И, выкликая грешников по списку,
когда предстанет мой черед,
мне подмигнет писец – колдун магрибский,
заведомо все знавший наперед.

2000

ЧЕРНЫЙ СОН

Под утро снился ангел Азраил*:
Он осенял костлявыми перстами
И целовал морозными устами
Всех, кто стоял над пропастью могил.
Он был не в саване – в халате санитара.
Ходил меж койками израненных бойцов
Под взглядами их страждущих отцов
С баклагою смертельного отвара.
И кто-то обреченно получал
Из рук его свечу и чашу яда...
Другие истово молились: “Нет, не надо!
Да минует нас чаша и свеча!”
И надо мною он молитву сотворил
И наделил свечой неопалимой.
Но чашей обошел неумолимой,
Лишь ознобив дыханьем черных крыл...

Я толковать виденье не хочу, –
И в кружке пива может яд измены
Таиться под вскипающей пеной,
Готова поминальную свечу.

Что из того?

Судьбы не избежать,
А искушать ее уже не смею.
А сон, быть может, – искушенье змея,
Скользязщего по лезвию ножа.

В темнице ли, под царственным венцом –
Мы будем каждый за свое в ответе.
Неотвратимо, не на этом свете:
Перед самим Создателем-Отцом.

* Ангел смерти у мусульман

2002

НОВОГОДНЯЯ ЕЛКА

Я подхожу к зеленой елке,
Другого времени чудак:
Который год стоит на стройке,
Прижившись неизвестно как.
Как и она, я здесь случайно
Живу, цепляясь без корней.
У нас одна судьба и тайна.
Никто не ведает о ней.
Никто ее не разгадает.
Да и кому нужна она?
Звезда морозная растает,
И станет ночь совсем темна.
Ну а пока под звездной россыпью
По снегу стелется мороз,
Без приглашения, без спросу мы
Вступаем в год овец и коз.

Пусть нас не примут в это стадо,
Друг друга греем на ветру.
Нам больше ничего не надо,
Лишь солнце в небе поутру.

Что не смогли, что не успели
В лесу, в доме иль просто тут, —
Слова, как иглы старой ели,
На землю тихо упадут.

Кто знаменит, кто неизвестен, —
Ничто не вечно под луной...
Мы знали много разных песен,
Теперь не помним ни одной.

Ствола с корой, насквозь промерзшей,
Коснусь небритой щекой,
Как елка, в этот век заброшен
И, как она, еще живой.

Нас двое на дворе пустынном,
Пусть в мире этом я — один.
Мы в январе здесь вместе стынем,
Земли и неба посреди.

Январь 2003

ЯНВАРЬ-2005

Братья-славяне! Великая сила
Веры людской и земного рожденья
Нас единит, знаменуя спасенье,
Мудрую связь — между
“будет” и “было”.

В. Чемальский

Кто со мной в стане,
кто со мной в стаях?
Стан — что воспрянет,
стая — что стает.
Стан — что восстанет
за правду на всех,
Стая — что стает,
как мартовский снег.

Эхо в тумане —
бочка пустая:
— Братья-славяне,
в стане иль в стаях?

Долго мечтали
О счастье на блюде...
Кем же мы стали,
добрые люди?

Пьяными к ночи,
в хмелю спозаранку?
Кто нам пророчит
леность и пьянку?

Мертвый — не встанет,
но время — осудит.
В стане ли, в стаях —
где же мы, люди?!

Не наша ли слава
веками проверена?
Плачь, Ярославна,
о славе потерянной
дождями и росами —
во веки веков...

Если не сбросим
вериг и оков.

Где мы плутаем
в дымном рассвете?
Станом ли станем,
птицами — в клетки?

Еще снега не полегли,
Еще весна не наступила, —
Хмельная ветреная сила
Меня уносит от земли.

И пусть обратно нет возврата,
Уйдя в немислимый полет,
Я повторяю многократно:
Зима пройдет – весна придет:
Поля умоются снегами,
Ручьи в овраги потекут,
Пока опора под ногами
Земных отпущенных минут.
И лишь потом, в небесных высях,
Не станет счастья и потерь,
Ни взлета, ни паденья в мыслях,
Всего того, что есть теперь.
Забыть земное – не забава,
Пусть то при жизни не понять.
Удел для смертных – только право
Просить у Неба благодать.
Не веря клятвам и молитвам,
Не веря ветреной судьбе,
С неверием вступаю в битву,
Хотя не верю сам себе.

Октябрь 2004

* * *

Ивану Рыжову

Когда заря блестит на окской глади
И солнце оживляет небосвод,
Вдруг осознаешь – минуты этой ради
И стоит жить...

Коль знать бы наперед!

Когда вечер ничком ложатся тени,
Последний луч, скользя, спешит за плес,
Хоть становись смиренно на колени
И возносись молитвою до звезд.

Но с новым днем все яростней и жгучей,
Как лава с огнедышащей горы,
Бурлит поток времен быстротекущих,
Что будет мчать до срока, до поры.
И, не сумев на миг остановиться
На утренней, вечерней ли заре,
Летит судьба, как ветреная птица
В полуденной неистовой жаре.
Летит к черте покоя и забвенья,
Куда впадает времени река,
Где от начала мира сотворенья
Земные растворяются века...
Когда заря, под утро или вечер,
Когда лучится солнечная высь, –
Смирясь душой с покоем вековечным,
Я... так и не скажу:

– Остановись!

2004

* * *

На городьбе сидела птаха
Под юной зеленью ветвей,
Не ведая любви и страха –
Людских придуманных страстей.

А я спешил куда-то мимо
Ее высокой городьбы,
Ветрами времени гонимый
Причудой ветреной судьбы.

Но, солнцем утренним согреты,
Едины были мы в одном,
Что песни наши не допеты
О самом близком и родном.

2001